

Анна Ремпель

ВИАНА: ГАРМОНИЯ И ВОЙНА

18+

Анна Ремпель

Виана: Гармония и война

«Автор»

2026

Ремпель А.

Виана: Гармония и война / А. Ремпель — «Автор», 2026

Пять лет Виана хранила хрупкое перемирие с собственной силой — ради дочери, ради тишины, ради права быть просто женщиной. Но сила не умеет спать вечно. И первой это поймёт не Виана — а четырёхлетняя Леа, в чьих руках оживает то, что должно оставаться на бумаге. Когда дочь исчезает, Виана перестаёт быть собой. Тьма, которую она столько лет держала на коротком поводке, наконец получает то, о чём просила: полную свободу. Вопрос лишь один — что останется потом? А потом наступает тишина после бури. Виана бежит туда, где нет ни магии, ни прошлого: заснеженные склоны, чужой смех, мужчина, рядом с которым хочется разучиться быть сильной. Но покой — это ловушка для тех, кто слишком долго был в сражении. И в момент, когда Виана наконец готова сдаться счастью, она встречает взгляд, который знает слишком хорошо. Это видение – старый страх или недремлющая интуиция?

© Ремпель А., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава	5
Конец ознакомительного фрагмента.	22

Виана: Гармония и война

Глава

Анна Ремпель

ВИАНА: ГАРМОНИЯ И ВОЙНА

Официант в белоснежной рубашке бесшумно вырос у нашего столика, держа в руках тяжёлую винную карту в кожаном переплёте. Алекс перевёл взгляд на меня, и в его глазах проступила мягкая внимательность, от которой внутри становилось тепло.

— Виана, доверимся выбору заведения или у тебя есть свои фавориты? Какое вино ты предпочитаешь?

— Красное, — ответила я, слегка откинувшись на спинку кресла. — Что-то лёгкое, не перегруженное танинами, из премиум-класса. Такое... женское, чтобы согреться после склона, но не потерять голову. Пожалуй, я бы взяла проверенное Пино Нуар. Бургундское.

Алекс уважительно кивнул, но карту у официанта брать не стал. Он мягко улыбнулся, чуть наклонив голову:

— Прекрасный выбор. Классика. Но раз уж мы в Альпах, поближе к итальянской границе, позволишь мне предложить тебе небольшую альтернативу? Похожее по лёгкости и прозрачности, но, поверь, чуть более глубокое. Ты пробовала Гаттинару? Из винограда Неббиоло?

Я на секунду задумалась, перебирая в памяти названия, которые когда-то мелькали на изысканных выставках в Неаполе, но это название слышала впервые.

— Нет, кажется, не встречала. Бароло, Барбареско — это слышала. А это, наверное, что-то местное?

— Почти, — Алекс повернулся к официанту и сделал короткий жест рукой. — Принесите, пожалуйста, бутылку Gattinara Riserva 2018 года.

Когда официант ушёл, Алекс снова посмотрел на меня сквозь пламя свечи:

— Его часто называют «младшим братом Бароло», но оно гораздо нежнее. В Пьемонте этот виноград растёт на вулканических почвах у подножия гор, меня странно тянет к вулканическим винам. На вид оно обманчиво светлое, почти как твоё Пино Нуар, но, когда ты сделаешь первый глоток... ты удивишься.

Спустя несколько минут официант бережно откупорил бутылку. Густой, рубиновый напиток лениво потёк по стенкам бокалов, оставляя тонкие маслянистые дорожки. Я подняла бокал, вдохнула аромат и замерла. Вино пахло не спиртом и не дубовой бочкой — из бокала поднимался чистый, насыщенный букет из лесных ягод, спелой смородины и... что-то цветочное.

Я сделала первый глоток. Вино оказалось невероятно шелковистым, мягким, оно буквально обволакивало рецепторы, взрываясь тёплым ягодным послевкусием. Никакой терпкости — только чистая, дорогая гармония.

— Боже, Алекс... — выдохнула я, искренне любуясь игрой цвета в стекле. — Это потрясающе. Оно действительно намного лучше. Откуда ты о нём знаешь?

— Случайно наткнулся в одной частной винотеке, — легко и непринуждённо ответил он, и в его глазах на миг промелькнула довольная мужская искра. — Рад, что угадал. За красивые открытия, Виана.

Мы чокнулись. Звон тонкого хрусталя растворился в тихом джазе, и я почувствовала, как по телу разливается первая, самая сладкая волна расслабления. С этим мужчиной было чертовски приятно соглашаться.

Официант неслышно поставил перед нами тарелки. Моё кремовое ризотто с мидиями выглядело, как шедевр изысканного мишленовского гида. Я замерла, разглядывая эту идеальную геометрию, и внезапно поймала себя на мысли, что после целого дня на ледяном ветру я... банально и по-человечески хочу просто огромный кусок мяса. Но статус ресторана обязывал держать лицо.

Алекс, словно прочитав моё мимолетное замешательство, заговорщицки наклонился через стол, поближе к пламени свечи.

— Виана, открою тебе страшную тайну этого места, — прошептал он совершенно серьезно. — Высокая кухня на горнолыжных курортах придумана исключительно для того, чтобы уберечь наши кошельки от лишнего веса. Посмотри на эти порции. Это же гастрономический минимализм.

Я приподняла бровь, сдерживая улыбку:

— Ты намекаешь, что шеф-повар экономит на креветках?

— Хуже, — Алекс сказал это шпионски тихо, приподнимая брови, скорбно покачал головой. — Он заботится о нашей траектории. Знаешь, почему я так уверенно словил тебя сегодня на склоне?

— Из-за твоей потрясающей техники катания? — сыронизировала я.

— Если бы! — он тихо рассмеялся. — Только из-за того, что вчера за ужином я совершил роковую ошибку — заказал здесь двойной стейк из оленины. Сила притяжения увеличилась настолько, что сегодня утром лыжи сами везли меня вниз, игнорируя любые торможения. Я скользил к тебе на полной скорости с одной-единственной мыслью: «Господи, пусть эта прекрасная рыжеволосая женщина окажется достаточно мягкой, потому что затормозить об этот сугроб я уже физически не смогу!»

На секунду в воздухе повисла пауза, я смотрела с недоумением на него, не ожидая такой смелой шутки, а затем я не выдержала и рассмеялась от всей души. Впервые за столько лет — легко, звонко, до слез, запрокинув голову и начисто забыв о том, что на меня могут смотреть другие столики. Образ этого аккуратного, интеллигентного мужчины, летящего на меня с горы в панике, с мыслью: «пусть она будет мягкая», заставлял меня смеяться не останавливаясь.

— Так ты использовал меня, как подушку безопасности? — сквозь смех спросила я, вытирая слезу на ресницах.

— Исключительно в целях самосохранения! — абсолютно счастливо улыбнулся Алекс, любуясь моим смехом. — Но должен признать, это была самая красивая преграда на моем жизненном пути.

— Боже, я тоже хочу стейк из оленины, я поторопилась с ризотто, после сегодняшних подвигов, я голодная, как волк! — неожиданно для себя, я начала вести себя, как будто мы знакомы очень давно.

— Я думаю надо следовать своим желаниям, тем более таким низменным. — Он сказал это так серьезно, но с таким обаянием, что я снова рассмеялась. — Официант! Принесите, пожалуйста, даме ваш фирменный стейк из оленины.

Мне очень понравился этот жест. Меня принимают такой, какая я есть. Мое расслабление становилось все естественнее и естественнее.

Мне показалось, Алекс заметил мою симпатию и довольно улыбнулся, понимая, что стратегия работает.

Алекс покрутил в пальцах бокал, глядя на ровное пламя свечи, а затем перевел на меня свой теплый, пронизательный взгляд.

— Виана, раз уж мы сегодня делимся тайнами, — мягко начал он. — О чём ты мечтаешь? Ну, кроме того, чтобы завтра наконец съехать с горы и не собрать по пути все альпийские ели?

Я улыбнулась, отпивая вино, и на секунду задумалась. О магии и спасении дочери говорить было нельзя. И первое, что выплыло из глубин души: моя старая, чистая, еще девичья мечта - из прошлой жизни.

— Я хочу увидеть оригиналы картин Пикассо и Сальвадора Дали, — ответила я, глядя на него сквозь стекло бокала. — Не в репродукциях и не на экранах телефонов. Хочу постоять напротив них вживую. Почувствовать их объем, мазки, энергетику.

Алекс удивленно и уважительно приподнял брови:

— Ого. Никогда бы не подумал: Дали и Пикассо? А знаешь, они ведь были теми еще чудачками. Особенно Дали. Я как-то читал, что он был настолько эксцентричным, что однажды пришел на лекцию в Лондоне в самом настоящем водолазном костюме, ведя на поводке трех белых пуделей.

Я замерла с бокалом у губ. Всю свою юность, еще до швейной фабрики, я взахлеб зачитывалась биографиями великих художников, изучая их линии и судьбы. Многие из них были необычными и, даже я сказала бы, исключительно необычными людьми. Я знала о них всё.

— Пуделей? — я наивно округлила глаза, пряча свои знания под наигранным удивлением. — Ты уверен?

— Абсолютно! — воодушевленно подхватил он, радуясь, что смог зацепить тему. — Он читал лекцию о сюрреализме, едва не задохнулся в этом шлеме, его выкручивали оттуда железными болтами, а пудели лаяли на всю аудиторию. Настоящий гений эпатажа.

Я не выдержала и торжествующе рассмеялась:

— Концепция прекрасная, Алекс. Но ты проиграл этот раунд.

— В смысле? — он растерянно моргнул.

— Водолазный костюм действительно был, это случилось в 1936 году на Международной выставке сюрреализма в Лондоне, — с удовольствием эксперта начала перечислять я. — И он действительно чуть не задохнулся, потому что шлем заклинило, а зрители думали, что его предсмертные судороги — это часть перформанса и весело аплодировали. Но никаких пуделей на поводке не было. В одной руке Дали держал бильярдный кий, а во второй — двух борзых собак. Борзых, а не пуделей.

Алекс замер, на секунду лишившись дара речи. Он смотрел на меня широко раскрытыми глазами, а затем его лицо расплылось в абсолютно восхищенной, обезоруживающей улыбке.

— Да уж, вот ведь нельзя с незнакомым человеком разговаривать о том, в чем не уверен. Я и не мог предположить, что ты будешь знать такие подробности. Прошу прощения, я действительно не был уверен, что это были пуделя. — он стыдливо сморщился, затем приоткрыл один глаз и проверочно глянул на меня. — Две борзые! Виана, откуда ты это знаешь? Ты тайно подрабатываешь искусствоведом в Лувре?

— Я просто умею читать не только инструкции к лыжам, — подмигнула я ему, чувствуя невероятный азарт и легкость от этой ментальной пикировки. — Впредь, будь осторожнее.

— Впредь, буду всегда честным, — уже совершенно серьезно сказал Алекс. — Признаю поражение. Но ты обязана дать мне шанс отыгаться. Обещаю, когда мы поедем смотреть оригиналы Дали, я лично найду для тебя экскурсовода, который не путает борзых с пуделями. За твой потрясающий ум, Виана. Ты не пересташь меня удивлять.

— Поедем смотреть оригиналы? Ты все решил? — спросила я, удивляясь его напору, но такому мягкому и не давящему.

Он улыбнулся в ответ, и его выражение лица говорило: «А почему бы и да». Мы чокнулись бокалами. Звон тонкого стекла в тишине ресторана прозвучал как маленькое, очень интимное соглашение между нами. Стена осторожности стала еще тоньше.

Мне принесли мой стейк, а Алексу его Шатобриан – сочный отруб говядины с трюфельным соусом и запеченным инжиром. Я никогда не пробовала это блюдо, но оно выглядело дей-

ствительно по-мужски. Мое блюдо, по сравнению с ним, показалось довольно миниатюрным, что меня очень порадовало.

— Хорошо, с Дали и его борзыми я позорно проиграл, — Алекс притворно вздохнул, запивая свой ужин вином. — Но, все таки, попробую рассказать тебе то, что, надеюсь, ты не знаешь. Пикассо...

Он помолчал, пристально глядя в глаза, пытаясь считать мою реакцию. Я молча улыбнулась, дав возможность, продолжить рассказ.

— Ты знала, что Пабло носил с собой настоящий револьвер, заряженный холостыми?

Я замерла, с интересом разглядывая его лицо. Эта грань разговора мне уже определенно нравилась.

— Про револьвер знаю, он жил в довольно бандитском районе Парижа вначале своей карьеры, — кивнула я, подперев подбородок ладонью. — Но что он с ним делал — не в курсе.

— Ммм, ладно, рискну. — Алекс слегка огорчился, но все же продолжил. — Но мало кто знает, что однажды к нему пришел начинающий поэт и битых два часа зачитывал свои депрессивные стихи о загробной жизни. Пикассо молча дослушал, достал револьвер, приставил ему к виску и нажал на курок. Раздался оглушительный хлопок, поэт упал в обморок, а когда пришел в себя, Пикассо абсолютно серьезно сказал ему: «Ну как? Там действительно так серо, как вы писали, или мой револьвер добавил красок?»

Я не выдержала и сочно рассмеялась. Это было мрачно, но так чертовски смешно.

— Эту историю я не знала, — улыбнулась я, делая глоток вина. — Поэту повезло, что Пикассо был художником, а не критиком. Критики обычно стреляют боевыми.

— Абсолютно, — Алекс подмигнул мне, его глаза в полумраке блеснули чем-то неуловимо острым. — Так что, Виана, если завтра на склоне я начну слишком утомлять тебя своими поучениями о траектории поворотов... просто пообещай, что у тебя в кармане куртки не будет револьвера. Холостого или боевого — мое сердце не выдержит любого.

— Не обещаю, Алекс, — я заговорщицки наклонилась к нему, чувствуя, как по венам разливается пьянящий флирт.

— Идеально, — рассмеялся он, поднимая бокал. — Женщина, которая не боится приехать на горнолыжный курорт одна, совершенно не умея стоять на лыжах, зато блестяще разбирается в биографиях великих художников, — и та же женщина мне ещё и угрожает. Я определенно застрахую свою жизнь завтра утром.

Мы засмеялись, и снова вернулись к своим тарелкам. Вечер был потрясающий, я давно столько не смеялась и не чувствовала себя на столько легко и просто.

— А что тебе нравится в Пикассо и Дали? — спросил с искренним любопытством.

— Меня в них не столько само творчество тянет, сколько то, что за ним стоит, может это звучит по-дилетантски, но это правда, — сказала я, с чувством абсолютного комфорта. — Хочу видеть в холсте не просто картину, а человека, который её написал. Например: Пикассо для меня — ужасный человек, я бы не хотела встретить его на своем жизненном пути. Но, как творца, я его понимаю. Когда ты идешь к своей цели — жертвы неизбежны.

Повисла маленькая пауза. Алекс посмотрел на меня, с любопытством и слегка нахмурившись. Потом, будто оставив эту мысль на потом, решил не углубляться в столь серьезную тему.

— О, тут кроется какая-то тайна, это очень интересно, но об этом нужно говорить после секса.

Я глянула на него удивленно и строго. Мне казалось — это сверх дерзость. Он сделал глоток из своего бокала, смотря на меня поверх него, не пряча самодовольную улыбку. Он прекрасно понимал свою дерзость и оценивал мою реакцию.

— А ведь наша встреча — не случайна... Знаешь, на вершине склона ведь сегодня было жутко туманно. Все лыжники были в одинаковых куртках. И вдруг в этой белой каше вспыхивает абсолютно нелегальный, ядерный рыжий пожар. Твои кудри было видно из космоса.

Мои лыжи сами повернули в твою сторону, потому что я чисто интуитивно поехал на тепло. Я подумал: «Если я сейчас не погреюсь у этого костра, то замерзну».

— Ну хватит! — я снова засмеялась, пытаюсь не выплюнуть содержимое рта. — И как, согрелся?

— Ну, учитывая, что в процессе мы оба эпично завалились в сугроб, а твои волосы засыпало снегом так, что ты стала похожа на очень сердитого огненного эльфа... — Алекс говорил все это очень серьезно, глядя при этом в тарелку, и ел, как будто он не шутил, а рассказывал обычные события дня. — Это был лучший момент за неделю. В городских ресторанах женщины обычно сидят идеальные, волосок к волоску. А женщина, у которой из рыжих кудрей торчит сосновая веточка, а в глазах горит искреннее желание заколоть меня этой веточкой — это пугающе, но притягательно.

Я замерла, а затем закрыла рот руками, смеясь уже во весь голос. Я сдерживала свой почти прожеванный стейк, как могла:

— Серьезно? Ты сейчас назвал меня эльфом?

— Нет, нет не эльф. Эта веточка, была, как цветок в волосах Покахонтас, — Алекс наконец поднял глаза, и в них была та же откровенная нежность, с которой он весь вечер наблюдал за моим смехом. — Она создавала идеальный образ дикой лесной волшебницы. Я был очарован.

Время пролетело очень быстро, мне казалось, я смеялась с каждого его слова. Это было невероятно, и я снова почувствовала себя молоденькой девочкой, которой не нужно ничего контролировать, у которой нет проблем, есть только здесь и сейчас. Чужой человек, который влился в мою энергию, так естественно, будто был той самой второй недостающей половиной.

Когда мы вышли на крыльцо ресторана, ночной альпийский воздух мгновенно обжёт лёгкие кристальной прохладой. Метель утихла, оставив после себя звёздное небо и бесконечные белые склоны, искрящиеся в лунном свете. Я инстинктивно повела плечами от резкого контраста температур.

Через секунду на мои плечи лёг его пиджак — тяжёлый, тёплый, сохранивший запах мужского тела и парфюма.

— Алекс, ну что ты делаешь? — я обернулась. — Ты же сам замёрзнешь в одном пуловере.

— Исключено, — невозмутимо улыбнулся он, мягко увлекая меня по хрустящему снегу в сторону отельного корпуса. — После сегодняшнего вечера, мой пульс стабильно держится на отметке сто двадцать. Так что я сейчас — самый горячий мужчина на этом курорте. Чистая биология, Виана.

Его глаза в темноте сверкнули так возбуждающе, что я на мгновение задержалась в них взглядом, а потом смутилась — так, как не смущалась уже очень давно, с тех пор, наверное, как была совсем наивной. И мне совершенно искренне не хотелось выставлять шипы. Впервые за шесть лет от событий в Неаполе, я чувствовала себя... просто женщиной. Свободной от магии, от пророчеств, от груза ответственности. Мне вспомнились слова мамы, которым мне отчаянно хотелось верить. Хотелось отпустить всю эту ведьминскую силу окончательно, запереть её на замок, подарить, потерять, не знаю, что еще с ней сделать. И выбрать эту мягкую, интеллигентную предсказуемость. Сдаться тому, кто умеет смешить, беречь и вовремя накидывать пиджак на плечи.

В полумраке моего номера, под медовым светом настенных бра, эта жажда покоя окончательно отключила все мои защитные файлы. После шоколадного поцелуя, на пороге его комнаты — пиджак скользнул на ковровое покрытие, за ним последовало и платье.

Объятия Алекса были другими. В них не было дикого, животного напора, не было жажды подчинения. И во мне не было ничего властного, мне хотелось отдаться этому моменту. С первых движений — это было не рабство и не власть. Мы были равноправны и целостны. Две

стихии, которые хотят взаимодействовать друг с другом, без поглощения или подчинения. Я – согласна, и он – согласен. Он ласкал меня медленно, тягуче, с каким-то осязаемым уважением к каждой линии моего тела. Когда его большие, тёплые ладони обхватили мои бёдра, а губы прильнули к шее, я окончательно отпустила контроль.

Я сползла на постель, увлекая его за собой своими тонкими пальцами, и во мне проснулась та безоружная, истосковавшаяся по нежности и любви просто женщина, которая бесконечно долго спала внутри. Мы растворились в этом поглощающем, сладком процессе. Учащённый пульс, глубокое дыхание и желание слиться воедино в этой долгожданной гармонии. Я обхватила его за плечи, ерзая в страстном, рваном ритме, приближая свой пик. Я больше не ведьма. Мне так захотелось сдаться в плен этому мужчине. Я отдаю этот мир ему. Я хочу простого женского счастья... — пронеслась в голове моя финальная, добровольная капитуляция, завершившаяся оргазмом.

Наслаждение разлилось по мышцам эйфорией, заставляя меня шумно выдохнуть. В этот же миг Алекс наклонился ниже, чтобы поцеловать меня, лунный свет из окна под углом разрезал полумрак номера и скользнул по его лицу.

Вспышка. На одну неуловимую долю секунды, на один жуткий двадцать пятый кадр, мягкие черты Алекса стёрлись, вытянулись в безупречную, ледяную симметрию, и на меня в упор посмотрели гипнотические, тёмные глаза Виктора.

Первобытный, дикий ужас полоснул по сердцу. Он улыбнулся мне, и, в тот же момент, я снова увидела лицо Алекса...

ГОД НАЗАД. ГАРМОНИЯ.

Солнце склоняется к закату и дарит мягкий золотистый свет. Всё вокруг выглядит тёплым и ласковым — каждый лист, каждая капля воды словно улыбаются. Слышен плеск воды, вздохи лёгкого ветра и далёкий щебет птиц, весёлый детский смех. Пахнет мокрым песком, пряностью трав и липой.

На пригорке, среди дубов и лип стоит небольшой двухэтажный дом со стенами кремового оттенка и белыми рамами на окнах. Наверху – большой балкон со стеклянными перилами, на котором расставлены горшки с цветами: розовые петунии, колокольчики сиреневого и фиолетового цветов. Стоит стол и кресла из плетёной лозы. Дверь на балкон открыта, и через неё кокетливо колышется белая занавеска. Перед домом — ухоженный газон, ярко-зелёный, как бархат, по краям которого рассыпаны дикие цветники: ромашки, колокольчики, маки. Между ними — аккуратные дорожки из светлого песка, ведущие к дому, к берегу озера и к скрытым за деревьями скамейкам.

В нескольких шагах от дома – небольшое озеро. Вода в нём прозрачная и тёплая, слабо мерцающая от заходящего солнца. Вдоль берега — узкий песчаный пляж со светлым, почти слоновой кости, мягким песком. Узкий мостик, способный уместить только двух человек, возле него привязана небольшая деревянная лодка, покачивающаяся на волнах. На другой стороне растёт густой камыш, где прячутся утки. Над озером — лёгкая рябь, и в ней отражается всё вокруг.

На пляже у воды сидит Виана. Распушенные, длинные, рыжие волосы блестят на солнце огненными прядями. На ней лёгкое, льняное платье мятного цвета, на тонких бретельках. Она умиротворённо улыбается, наблюдая за дочкой. Маленький ангелочек, в платьице жёлтого цвета с воланами, что-то увлечённо рассказывает маме, отчего коротенькие чёрные, завитые в лёгкие кудряшки волосы, подскакивают на её милой головке. Потом они вместе набирают песок горстями и лепят что-то вроде мини-крепости с маленькими канавками, куда набирается вода. Виана учит дочку делать ворота для крепости с помощью палочек.

Я смотрю на неё и умиляюсь, какая она красивая. Я не была такой в детстве. Она просто совершенство. Мне кажется, всё лучшее, что могла соединить в себе природа, досталось ей. Эти волшебные глазки с потрясающе большими ресницами. Невообразимого цвета глаза: то ли зелёные, то ли жёлтые, то ли коричневые. Она улыбается, и моё сердце замирает. Я так долго искала любовь внутри себя. И вот эта любовь родилась. Родилась не просто во мне, родилась на свет. Она сидит передо мной и играет в песок.

Я часто думаю, нет ли в ней того зла, которое жило в её отце, но вижу в ней только свет. Она полна любви ко всему живому и всему окружающему. Смотря на неё, я вижу доброту и мир. Моя Леа унаследовала от меня многие способности. И, так как она ещё слишком мала, я не знаю, что и в какой степени сильнее. А возможно, у неё есть что-то своё. А может, что вполне вероятно, — что-то от отца. Иногда меня захватывает тревога, но я стараюсь отгонять эти мысли. Я верю в добро и мир в моём мире. Я хочу гармонии, я хочу любви, я хочу счастья своей дочери.

— Ло! Ло!

Леа соскочила и побежала в сторону леса.

— Леа! Стой, ты куда?

Леа бежала к лесу. Навстречу ей из листвы вышла чёрная молодая пантера. Леа подбежала к ней и без доли страха обняла её. Пантера начала облизывать лицо девочки.

— Конечно! Лорен, ты меня напугала!

Я подбежала к Леа и пантере, которые всю ласкались на траве. В этот момент, когда я совсем близко подошла, пантера освободилась от объятий девочки и послушно встала напротив меня. Я присела на колени возле неё, обхватила голову животного обеими руками и мысленно начала впускать силу магии внутрь. Спустя несколько секунд я открыла глаза и пристально стала смотреть в глаза пантере, представляя в ней свою верную подругу Лорен, которая спасла меня от чар Виктора.

Пантера смотрела на меня с доверием, её золотистые глаза засияли, и я почувствовала, как её внутренняя энергия отзывается на мою магию. Мягкая, волшебная сила полилась по моим ладоням, и с тихим, почти неслышимым вздохом тело пантеры стало меняться. Чёрная шерсть поблёкла и исчезла, форма сменилась — сначала позвоночник, затем конечности, затем лицо... Через несколько мгновений передо мной стояла Лорен — нежная, хрупкая, темноволосяя и верная подруга, всё с теми же немного кошачьими, пронизательными глазами.

ЛОРЕН

Когда Лорен встретила Виктора, ей было семнадцать лет. Он стал для неё божеством в обличье мужчины: могущественный, харизматичный, красивый и загадочный. Он увидел в ней то, что никто раньше не замечал: острый ум, неженскую силу, стальную логику и внутренний голод. Он соблазнил и приручил её, обещая любовь, власть, бессмертие, красоту, деньги, статус, влияние.

Она согласилась и была верной. Он научил её всему и сделал своей правой рукой. Чтобы обезопасить себя, он обманом убедил её принять облик пантеры. «Хочешь быть по-настоящему сильной — тебе нужно стать тем, кого боятся. Пантеры не плачут, Лорен. Они не сдаются. Они — хищницы. Я хочу видеть рядом с собой сильную женщину».

Поначалу она владела формой зверя, могла управлять превращением. Это давало преимущество: скорость, силу, способность обходиться без сна, звериное чутьё. Но с каждым разом пантера забирала больше, а Лорен теряла контроль. И девушка стала совершенно зависимой от Виктора, вынужденная подчиняться во всём, дабы не остаться на всю жизнь дикой кошкой.

После «смерти» Виктора проклятие не исчезло, а наоборот, стабилизировалось и стало частью её. Теперь она может находиться в человеческом теле только ограниченное время. Чем

дольше она остаётся человеком, тем сильнее страдания: тело горит, кости ломаются, разум путается. Как полностью излечиться от этого недуга, я не знаю. Моей магии в этом деле хватает на несколько дней. И ей нужно снова приходиться ко мне. Но временами, в обличье кошки, она забывается, поддаваясь животным инстинктам. Иногда мне становится страшно, что она больше не вернётся, оставшись где-то в лесу и забыв, кто она. Поэтому наша дружба подкрепляется не только общими секретами, но и взаимовыгодной помощью. Я помогаю сохранять ей человеческий облик, она помогает нам с Леа жить в уединении и достатке, не только обеспечивая нас, но и помогая продавать мои картины, которые, честно говоря, я в последнее время пишу не так часто.

— Ты всегда выбираешь драматический момент, чтобы появиться.

Пробормотала я, улыбаясь.

Лорен потянулась, морщась.

— А ты всегда торопишься, когда магия ещё «сырая». У меня теперь плечо болит. Спасибо тебе, мать-волшебница.

— Мама! Она опять голая!

Закричала Леа и захихикала, пряча лицо в ладошках.

— Леа, дорогая, мы же уже проходили это. Лорен — не совсем обычная тётя.

— Ну извините, что я не приношу с собой одежду в лес, когда бегаю в теле пантеры.

Смеясь заметила Лорен, прикрываясь руками.

— Виа, дай что-нибудь.

Я рассмеялась и лёгким движением руки создала перед ней свободное платье из мягкой ткани цвета спелых слив.

Лорен, надев его, покрутилась, одобрительно хмыкнула и повернулась ко мне.

— Как вы тут?

— Всё хорошо. Неспешно, спокойно. Я пыталась что-то рисовать на продажу. Но не очень идёт.

— Ну и ладно. Ты можешь вообще не рисовать. Не волнуйся, дела идут хорошо, я вас не оставляю. Да и вы с Леа не особо деньги тратите тут в лесу.

— Хорошо. А то я в последнее время сплю тревожно.

— Что случилось?

— Ничего, это ерунда. Я рада, что ты здесь. Иногда я скучаю по общению.

— Ты? Удивлена.

Я смутилась от её реакции и от своей чувственности. Видимо, действительно уединение делает человека слегка уязвимым. Я снова надела маску уверенности и самодостаточности.

— Не бери в голову. Это я так.

— Виа, ну вот всегда ты так. Я шучу, почему ты сразу закрываешься?

— Мы закрыли тему.

Я натянуто улыбнулась подруге. Прошло уже пять лет с событий в Неаполе. Но я всё ещё иногда виню себя в смерти Дениса и не разрешаю себе быть слабой. Когда появилась Леа, я поклялась сделать всё, чтобы она была в безопасности.

Лорен, пока может быть в теле человека, живёт в городе, занимаясь делами Виктора. Так получилось, что после его смерти единственной доверенной была она. Под её руководством теперь находилось консалтинговое агентство, работающее с частными коллекционерами, семьями старой аристократии, фондами и банками. Основная задача — сопровождение инвестиций в предметы искусства. Офисы находились в Неаполе, Париже, Лондоне и Женеве. Главный офис — в Вене.

Владелица: Лорен Дамм — влиятельная, безупречно воспитанная и крайне закрытая фигура в мире частных коллекционеров.

Основными услугами агентства были: формирование инвестиционных портфелей, состоящих из картин, скульптур, антикварных предметов интерьера и старинных книг. Учёт стоимости, происхождения, риски, рынок и прогнозы. Проверка подлинности и происхождения. Сопровождение сделок на аукционах. Представление интересов клиентов на закрытых торгах. Создание частных коллекций и выставок. Организация выездных экспозиций по индивидуальному заказу.

— Эрик приедет к ужину?

Спросила Лорен, смотря на меня сверкающими глазами.

— Приедет.

С такой же улыбкой ответила я.

ЭРИК

Эрик — мужчина, будто вырезанный из скалистого побережья северной Норвегии. Высокий, плечистый, с резкими, но благородными чертами лица. Светлые, коротко подстриженные волосы с намёком на седину у висков. Глаза — холодные и на первый взгляд почти прозрачные, но стоило ему посмотреть на меня, и они становились тёплыми, почти смущёнными.

Он бывший военный, прошёл службу в спецподразделении, будучи наёмником, участвовал в нескольких боевых конфликтах. Там, где нет волшебства, а только сдержанность, приказ и выживание. Сейчас он жил на соседнем хуторе, так же, как и я, искал уединения и покоя. Но однажды он увидел нас с Леа в магазине и потерял покой навсегда. Я не видела в нём опасности, а только друга, верного и сильного помощника — во всём, в чём можно представить. Тогда, в первый раз, он предложил помощь: донести сумки с продуктами в машину. Я пригласила его на ужин. Так завязалась наша дружба, подкреплённая прекрасным сексом. Он несколько раз начинал разговор о том, что хочет большего. Но я чётко обозначила границы своей свободы.

— Мама, я хочу кушать!

— Пошли, дорогая.

Кухня располагалась на южной стороне дома и заливалась мягким вечерним светом от больших окон в пол. Свет ложился бликами на гладкие поверхности комнаты, делая её более просторной и светлой. В центре кухни стоял широкий и удобный стол, на котором были разделочные доски, фарфоровая миска, нарезанные овощи, два бокала с вином, мясо индейки и сливки.

Встроенная техника была почти незаметна в интерьере — чёрная индукционная панель, лаконичная духовка, скрытая вытяжка. Всё тихое, плавное, ненавязчивое — как сама атмосфера дома.

Рядом с окнами — обеденный стол из выбеленного дуба, массивный, но с простыми линиями. Возле него — шесть стульев с мягкими сиденьями, один чуть сдвинут — Леа, как обычно, оставила его неаккуратно.

На подоконнике — несколько свежих букетов в стеклянных вазах: васильки, лаванда, полевые травы. Из динамиков тихо играет инструментальная музыка — лёгкая, уютная, как фоновый шёпот.

Лорен стоит у раковины и тщательно моет зелень, изредка стряхивая капли в сторону. Она молчит, но со стороны заметно, что в этом доме она чувствует себя спокойно.

Я стою рядом и разогреваю сковороду, одновременно нарезаю баклажаны — тонкими слайсами, ровно и быстро.

— Осторожно, горячее.

Сказала я, отставляя противень с уже запечённым филе индейки.

Леа сидит на высоком стуле у рабочего стола и натирает сыр с таким усердием, что он разлетается во все стороны.

— Мы сегодня ужинаем как принцессы. Но нам нужен рыцарь. Где Эрик, мама?

Она спросила это, не отвлекаясь от своего занятия, с серьёзным взрослым видом, что не могло не умилять.

— Скорее он не рыцарь, а гость, которому повезло.

Усмехнулась Лорен, вытирая руки полотенцем.

От этого утверждения мои чувства пришли в смятение. Одновременно я понимала иронию Лорен. Так как я не любила Эрика, а позволяла любить меня. Но, с другой стороны, он был мне дорог, и я уважала его, поэтому утверждение, что ему повезло находиться тут, было слегка преувеличено.

В воздухе смешались запахи: обжаренных овощей, запечённого мяса, чеснока и тимьяна. Было тепло и по-домашнему спокойно.

За окнами уже сгущались сумерки, а в доме чувствовалась жизнь — настоящая и почти идеальная...

Лорен, собранная и, как всегда, сдержанная, резала свежий базилик — но уже в третий раз поправляла выбившийся локон, мешающий ей сосредоточиться.

— Эта кухня как поле боя, я каждый раз учусь всему заново.

— Ты отлично справляешься.

Заметила я, зная её проблему с превращениями. Леа посмотрела на Лорен и серьёзно кивнула.

— Ты почти настоящая тётя.

— Почти? Спасибо, Леа. Запишу в комплименты года.

Девочка хихикнула и вернулась к своему сыру, теперь более яростно нажимая на кусок. На полу уже была лёгкая сырная пыль.

Тихое рычание двигателя нарушило гармонию. Сначала еле уловимое, а затем всё отчётливее. Леа бросила своё занятие и подбежала к окну.

— Это Эрик!!

Из-за изгиба лесной дороги показался чёрный, блестящий пикап. Грузовик двигался плавно, но уверенно, его колёса мягко катились по каменной дорожке, ведущей к дому Вианы. Эрик сидел за рулём. Одна рука — на кожаной обшивке руля, вторая — лениво опиралась на окно. На нём была светлая льняная рубашка с подвёрнутыми рукавами, а волосы были зачёсаны назад. Он остановился у самого порога, заглушил мотор, и тишина снова заполнила воздух.

Леа выскочила навстречу.

— Ээээрик!

Закричала она, бросаясь через двор к машине.

Он улыбнулся и спешно вышел из машины, привыкший к радости этого ребёнка, которая доставляла ему такой же восторг.

— Ты как всегда вовремя.

Сказала я, выходя на крыльцо и вытирая руки о фартук.

— Привет.

Он улыбнулся с такой радостью и нежностью, весь его вид говорил о том, как он рад меня видеть.

Он подхватил Леа и начал кружить её, затем несколько раз подбросил в воздух, отчего она завизжала от радости и восторга. Эрик обнял её, и она ответила ему взаимностью. Затем он поставил её на землю. Вернулся к машине и достал из кузова коробку, в которой лежала свежая рыба, пара ароматных булочек и три бутылки вина.

— Поймал сегодня утром. У водопада. Хотя вода была очень холодная и быстрая, — сказал он, приближаясь к дому.

— Ты каждый раз как из саги выходишь, — усмехнулась Лорен, прислонившись к дверному косяку, наблюдая за ним.

— Может, я в ней до сих пор и живу, — бросил он через плечо, даже не замедлив шаг.

Он остановился у ступенек, поднял взгляд на меня.

— Я соскучился по твоим запахам, — произнёс он тихо, почти шёпотом. — И по еде тоже.

— Поднимайся, викинг, — ответила я, тепло улыбнулась. — Ужин ждёт.

Он поднялся по ступеням, тяжело ступая, но мягко — так, как умеют только очень сильные мужчины.

Мы ужинали шумно и как-то сразу по-настоящему. Не как гости, а как люди, которые давно знают, где чьё место за столом, даже если формально никто его не назначал.

Эрик занял кресло у окна — он всегда тянулся к свету и простору, будто ему нужно было видеть горизонт, даже сидя за столом. Лорен — напротив него, спиной к кухне, чтобы держать всё под контролем. Леа, как обычно, между мной и Эриком, болтая ногами и пытаясь дотянуться сразу до всего.

— Рыба выглядит очень аппетитно и впечатляюще, — заметила Лорен, разливая вино по бокалам. — Представляю, как она пыталась от тебя сбежать.

— Пыталась, — спокойно ответил Эрик. — Но у неё не было шансов.

— Мам, он хвастается, — сообщила Леа, не поднимая глаз от своей тарелки.

— Я не хвастаюсь, — сказал он удивленно. — Я делюсь фактами.

Я улыбалась, наблюдая за ними, и ловила себя на том, что внутри у меня тихо и спокойно. Это редкое состояние, за которое я научилась быть благодарной.

Леа, как всегда, ела с таким аппетитом, будто весь день ничего не ела. Соус оказался у неё на подбородке, сыр — на пальцах, а крошки — везде, кроме тарелки.

— Мы сегодня едим как в замке, — торжественно объявила она. — Только без короны.

— Корона будет завтра, сегодня тренировочный ужин, — сказал Эрик.

— А ты кто? — прищурилась Леа.

— Очевидно, — вмешалась Лорен, — дикий северный варвар, которого пустили к столу по ошибке.

— Мам, — Леа посмотрела на меня очень серьёзно, — он добрый варвар?

— Очень, — ответила я. — Особенно после второго бокала вина.

Эрик усмехнулся и поднял бокал:

— За добрых варваров и умных принцесс.

Мы чокнулись. Даже Леа — своим стаканом с водой, старательно и важно.

В какой-то момент разговор распался на смех, комментарии, перебивания. Каждый, будто, заранее знал окончание фразы собеседника, поэтому отвечал, не дослушав. Лорен рассказывала какую-то городскую историю, Эрик вставлял сухие реплики, Леа смеялась громче всех, даже когда не понимала, над чем именно.

Я ловила себя на мысли, что запоминаю это — не картинкой, а ощущением. Тепло от духовки, вкус вина на языке, запах запеченной индейки и трав, смех ребёнка, уверенное присутствие Эрика, спокойное дыхание Лорен. Всё это складывалось в редкий момент целостности.

И где-то глубоко внутри, совсем тихо, что-то дрогнуло. Как будто мир на секунду замер — не чтобы напугать, а чтобы я успела его почувствовать.

Я отогнала это ощущение и потянулась за хлебом.

Сегодня был просто ужин. Просто дом. Просто мы.

После ужина Леа начала клевать носом — сначала незаметно, потом всё откровеннее. Она упрямо тёрла глаза кулачками, но держалась из последних сил, будто боялась пропустить что-то важное.

— Кажется, принцесса проигрывает битву со сном, — заметила Лорен, собирая тарелки.

— Я ещё не сплю, — возмутилась Леа и тут же зевнула так широко, что у неё выступили слёзы.

— Тогда я вызываюсь быть добровольцем, — сказал Эрик, вставая. — Пойду спасать замок от ночных чудовищ.

Леа просияла.

— Ты будешь читать?!!

— Если разрешат, — он посмотрел на меня.

— Разрешаю, — улыбнулась я. — Только без страшных концов.

Он подхватил Леа на руки, и она тут же обвила его шею, доверчиво прижимаясь. Они поднялись по лестнице на второй этаж, их шаги постепенно стали тише, пока не растворились в доме.

Мы с Лорен остались на кухне. Я включила тёплый свет над рабочей поверхностью, и пространство сразу стало более камерным. Вино в бокалах ещё оставалось, но мы уже были в другом состоянии — спокойном, вечернем.

— Он хорошо с ней ладит, — сказала Лорен, споласкивая тарелки.

— Да, — ответила я, вытирая стол. — Она его любит.

— Это видно.

Наверху, в детской, всё было иначе — как будто сам воздух там был мягче.

Комната Леа находилась под самой крышей, с большим окном, выходящим на озеро. Стены были выкрашены в светлый мятный цвет, местами переходящий в тёплый беж — будто оттенки перетекали друг в друга. Потолок слегка скошен, и на нём я когда-то нарисовала облака — неидеальные, немного смешные, зато любимые.

Вдоль одной стены — низкий стеллаж с книгами и игрушками. Деревянная кровать с округлыми краями, застеленная светлым покрывалом, на котором были вышиты маленькие листья и звёзды. У изголовья — ночник в форме луны, сейчас он горел мягким, почти медовым светом.

Но больше всего в этой комнате было рисунков. Они были везде. На стенах, на пробковых досках, в рамках и просто приколотые кнопками. Цветные линии, странные фигуры, существа без чётких форм, солнца с глазами, леса, где деревья переплетались друг с другом. Некоторые рисунки были красивыми, некоторые — тревожно непонятными. Я ловила себя на том, что иногда подолгу смотрю на них, пытаясь уловить логику, которую чувствовала, но не могла объяснить.

Эрик усадил Леа на кровать, укрыл одеялом и взял с тумбочки книгу — потрёпанную, с мягкой обложкой.

— Про кого сегодня? — спросил он.

— Я хочу, чтобы сегодня ты сам придумал, — сонно ответила Леа.

— Ммм, ты усложняешь задачу. И о чём должна быть сказка?

— Про девочку, которая не боялась темноты.

— Хороший выбор.

Эрик на секунду замолчал, глядя в потолок, словно искал там нужные слова. Леа терпеливо ждала, уткнувшись подбородком в край одеяла.

— Значит... — протянул он наконец, — жила-была девочка, которая однажды поняла, что темнота — это не враг.

Леа приоткрыла один глаз.

— А почему она это поняла?

Он усмехнулся, тихо, почти про себя.

— Потому что темнота всегда приходила не одна. Она приносила с собой тишину. И в этой тишине можно было услышать самое важное.

Я прислонилась к дверному косяку, не заходя в комнату. Слушала. Эрик редко говорил так — не просто точно, а осторожно, будто слова могли спугнуть что-то хрупкое.

— Девочка сначала боялась, — продолжил он. — Она пряталась под одеялом, закрывала глаза и думала, что если не видеть тьму, то её и нет. Но однажды она услышала, как темнота дышит.

Леа нахмурилась.

— Темнота умеет дышать?

— Конечно, — кивнул он серьёзно. — Всё, что живёт, дышит. Даже страх.

Я почувствовала, как что-то внутри меня тихо отозвалось.

— И тогда девочка перестала прятаться. Она села на кровать и сказала: «Хорошо. Я здесь. А ты — рядом».

Леа уже почти не двигалась. Её пальцы лениво перебирали край одеяла.

— Темнота не ответила, — сказал Эрик мягче. — Но она стала меньше. Не исчезла, нет. Просто перестала быть страшной.

Он сделал паузу.

— Потому что девочка поняла: если ты не бежишь — тьме не за кем гнаться.

Дыхание Леа выровнялось. Глаза закрылись окончательно.

Эрик ещё несколько секунд говорил что-то тихое — скорее для себя, чем для неё. Про светлячков, которые появляются только ночью, и про то, что звёзды видно лишь тогда, когда гаснет солнце. Потом замолчал.

Я вошла в комнату, ступая осторожно. Леа спала — крепко, доверчиво, прижимая ладонь к щеке.

Эрик медленно встал, поправил одеяло и выключил ночник, оставив только тонкую полоску света из коридора. Он посмотрел на меня, и в его взгляде было что-то очень тёплое, почти уязвимое.

— Ты хорошо придумал, — шепнула я.

— Она помогла, — ответил он так же тихо.

Мы закрыли дверь и спустились вниз.

В зале было полутемно. Электрокамин тихо потрескивал, отбрасывая на стены мягкие оранжевые отблески. Пламя было ненастоящим, но тепло — вполне реальным. Большой диван стоял напротив, укрытый пледами, словно приглашая забыть обо всём.

Лорен уже была там. Она была в шелковой ночной рубашке и босиком стояла у проигрывателя, перебирая пластинки на полке. Она выбрала соул...

Игла мягко коснулась дорожки, и сначала в тишине возник едва слышный шорох — тёплый, почти интимный, как дыхание перед первым словом. Потом музыка развернулась медленно, не спеша, будто ей некуда было торопиться.

Соул лился густо и глубоко. Бас шёл низко, уверенно, не давя, а удерживая — как ладонь на пояснице. Ударные были мягкими, округлыми, с лёгким запаздыванием, словно сердце билось чуть позже мысли. В этом ритме было что-то человеческое: не идеальное, не ровное, но живое.

Голос вошёл не сразу — сначала позволил инструментам прогреть пространство. А когда появился, он не пел, он рассказывал. С хрипотцой, с тёплой усталостью, с тем самым надломом, который бывает только у тех, кто много чувствовал и не всегда был счастлив. Каждая нота тянулась, словно он не хотел отпускать ни слово, ни момент.

Винил добавлял телесности. Лёгкие потрескивания между фразами делали паузы осязаемыми, напоминали, что звук идёт не из цифр, а из движения, из физического касания иглы и кружащегося диска. Музыка не заполняла комнату — она оседала в ней: в складках пледа, в стекле бокалов, в тёплом свете камина.

Эрик сел на край дивана, вытянув ноги. Я устроилась рядом, чувствуя, как от него идёт спокойное, уверенное тепло. Лорен принесла бокалы и поставила их на низкий столик.

Мы молчали. Музыка заполняла пространство между нами, камин тихо дышал, и дом словно снова собирался вокруг нас — медленно, бережно.

Я смотрела на огонь и думала о том, как странно устроено счастье. Оно не громкое. Оно не требует доказательств. Оно просто есть — в этот момент, в этом свете, в этих людях рядом.

Лорен начала пританцовывать, держа в руке бокал с тёмным вином. В чёрном шёлке мягко отражался свет камина. Гипюр на тонких бретелях и по краю выреза выглядел почти невесомым, как тень на коже. Этот наряд очень подходил к её чёрным волосам и хрупкой фигуре. Она выглядела одновременно хрупкой, но сильной и опасно-притягательной.

Соул будто знал её. Бас ложился ей под шаг, ударные совпадали с движением бёдер, а голос тянулся за каждым поворотом плеч. Лорен закрыла глаза, сделала глоток вина и позволила телу говорить вместо слов.

Она двигалась не для нас, она двигалась для себя и просто в такт музыки.

Шёлк скользил, подчёркивая линию спины, изгиб талии, медленное, ленивое перекачивание веса с ноги на ногу. Иногда она поднимала руку с бокалом, и вино ловило огонь камина, вспыхивая тёплым рубиновым светом. Её движения были текучими, почти кошачьими — в них легко угадывалась пантера, но уже без хищности. Только чувственность. Только тело, которому наконец не нужно было быть сильным.

Я сидела на диване рядом с Эриком, чувствуя, как он незаметно напрягся. Не грубо, не резко — просто стал чуть более собранным, как человек, который смотрит на красивое и понимает, что смотреть — уже удовольствие. Его локоть лежал рядом с моим, и я ощущала тепло его кожи сквозь ткань.

Я смотрела на Лорен и ловила себя на странном, тихом восхищении. В том, как она двигалась, не было вызова — только уверенность. Женщина, которая знает своё тело и не извиняется за это.

Музыка тянулась, густая и медленная. Камин потрескивал. Вино в бокалах почти не убывало.

Лорен открыла глаза и на секунду встретилась со мной взглядом. Уголки её губ дрогнули в ленивой, понимающей улыбке. Она чуть наклонила голову, будто говоря: всё хорошо. И продолжила танец.

Я почувствовала взгляд Эрика — сначала как тепло, как едва уловимое давление в воздухе. Потом — как прикосновение, которого не было.

Его плечи казались ещё массивнее в полумраке зала. Свет скользил по линии его шеи, по напряжённым мышцам под тонкой тканью рубашки, по сильным предплечьям, которые он держал спокойно, но я знала — в этой расслабленности скрыта привычка к действию.

Я повернулась к нему боком — случайно, почти невинно. Он смотрел на меня не так, как на Лорен. Не как на красоту.

Он смотрел как на выбор.

Холодные, почти прозрачные глаза в этот момент стали глубже, темнее. В них было желание — не резкое, не требовательное, а плотное и сосредоточенное. Такое, в котором нет спешки. Он знал, что может взять — вопрос был лишь в том, когда разрешу я.

В его взгляде было восхищение моим телом — я чувствовала это кожей. Тем, как я сижу. Тем, как дышу. Тем, как не отодвигаюсь. Но под этим — другое. Желание покорить, не грубо, а спокойно, как приручают дикое животное — терпением, силой и уважением.

И всё же... он не делал ни одного лишнего движения.

Бывший военный, наёмник, человек, привыкший к приказам и риску, сейчас держал себя с поразительной осторожностью. В нём боролось сразу несколько вещей: мужская жажда, инстинкт завоевателя — и страх. Конечно, он боялся не меня, а того, что я собой представляю.

Я видела это ясно.

Он хотел меня — но не понимал до конца. А загадки он уважал больше, чем соблазны. В его мире неизвестное всегда могло быть опасным.

Наши взгляды встретились. Я не улыбнулась. Не отвернулась. Просто позволила ему видеть меня такой, какая я есть — спокойной, закрытой, сильной.

Я наклонилась и поцеловала его — прямо в губы, без предупреждения. Коротко, но точно. Он ответил сразу, жадно, словно ждал этого мгновения дольше, чем позволял себе признать.

Я первой прервала поцелуй — не потому что не хотела, а потому что знала: пауза сейчас была сильнее продолжения.

Медленно, не отрывая от него взгляда, я потянулась к столику. Поставила свой бокал - аккуратно, так, чтобы стекло не звякнуло, будто этот звук мог спугнуть напряжение между нами. Затем взяла его бокал из его руки. Он не сопротивлялся, только слегка разжал пальцы, наблюдая.

Я поставила и его бокал рядом с моим. Два бокала рядом - пустое пространство между ними исчезло.

Этот жест был простым, почти бытовым. И именно поэтому - таким откровенным.

Я выпрямилась и снова оказалась близко. Я села ему на колени сверху. Он незамедлительно запустил руки мне под платье обхватив бедра своими большими руками. Я жадно целовала его. Во мне проснулась страстная ведьмочка, которая все чаще спит в последнее время, отдавая бразды правления заботливой маме. Руки Эрика потянулись к молнии моего платья, он ловко расстегнул ее и так же ловко снял его с меня. Я осталась только в белых стрингах.

. В этот момент подошла Лорен. Она стояла позади Эрика и смотрела на меня. Она наклонилась ко мне и вмешалась в наш поцелуй, отбив мои губы от Эрика. Целоваться с Лорен было иначе. Эти поцелуи были более нежными и более чувственными. Но Лорен любила меня не меньше, чем Эрик. Кажется, я даже иногда чувствовала ревность в ее сарказме по отношению к нему.

Он запрокинул свою правую руку себе за спину и проник под шелк Лорен, сразу запустив руку ей между ног. Он слегка расставил ноги, не прекращая меня целовать. Затем она отдала свой поцелуй ему, а я наблюдала за этой картиной, как они целуются, и он ласкает ее. Меня возбуждало все это очень сильно. Я сползла ниже и начала расстегивать его брюки. Лорен и Эрик перестали целоваться, и мы с ней помогли снять ему одежду. Он сидел голый на диване, широко расставив ноги. Красивый, мускулистый, полон силы и желания. Мы сели рядом на колени и нежно по очереди начали целовать его член, который был уже почти в полной готовности. Сначала я нежно и целиком облизала его, не отпуская руку, державшую его у основания. Затем дала сделать тоже самое Лорен. Потом мы поцеловались с ней держа между нами его член. Сначала он смотрел на все эти действия. А затем закрыл глаза и запрокинул голову на спинку дивана. Мы растворились в этом поглощающем процессе. Учащенный пульс, глубокое дыхание и желание слиться воедино в этой гармонии и удовольствии.

Я сняла трусики и села сверху на его член. Лорен сняла рубашку, оставшись также абсолютно голой. Она стояла сзади меня и ласкала мою грудь, пока я трахала Эрика. Я ерзала на нем вперед и назад создавая трение клитора и увеличивая давление его члена внутри. У него был большой и толстый член, весьма подходящий размерам его тела. Он обхватил меня за бедра и стал сильнее и сильнее насаживать меня. Лорен отступила не мешая, она взяла со столика свой бокал и вернулась в танец.

Эрик обхватил мою голову и наклонил меня к себе, чтобы поцеловать, но я хотела оргазма. Я высвободилась и продолжила в страстном ритме трахать его. Он понял мой настрой и просто отдал мне бразды правления. Он расставил руки, по бокам спинки дивана и просто наблюдал за мной. Лорен тоже замедлилась в танце, желая наблюдать мой пик. Я вцепилась ему в плечи и стала увеличивать темп. Пружина сжимавшаяся внутри, выстрелила оргазмом,

разливаясь теплом эйфории по всему телу. Каждое сокращение давало новую волну удовольствия смешивающуюся с внезапной усталостью. Я перестала держаться за него и слегка опрокинулась назад. Он подхватил меня и придержал. Лорен подошла сзади, слегка опрокинула мою голову и поцеловала в губы нежно и продолжительно.

Я слезла с Эрика и села на диван. Эрик подхватил Лорен и поставил раком на диван, быстро вошел в нее. Она прогибалась и тихо стонала, иногда ее глаза становились кошачьими и стон превращался в кошачий рык. Эрик привык к этому и его возбуждало это. Я взяла вино и начала танцевать. Удовольствие сменилось пустотой внутри. Прекрасный, страстный секс с двумя самыми близкими людьми, но той самой любви нет внутри. Мимолетная мысль, вырвавшая меня из момента, оборвалась оргазмом Лорен, которая зарычала и начала вырываться из объятий Эрика, который сильнее прижал тело Лорен к дивану, не давая вырваться и закончить свое дело. Она прекратила рычать и снова застонала, как обычная женщина. Он вышел из нее, поцеловал ее и подошел ко мне. Я отдала ему бокал, спустилась вниз и начала сосать его член, втягивая и страстно желая доставить ему удовольствие, я помогала руками, глубоко заглатывала, и вот он схватил меня за волосы и прижал мою голову к себе кончая, я замерла, ощущая горьковато слизкий вкус на языке. Я все проглотила и села на корточки. Эрик наклонился, поцеловал меня и отдал бокал с вином. Лег на ковер и закрыл глаза...

Свет камина мешался с музыкой, комната стала только светом, звуком и близостью, соул кончился, а пластинка всё крутилась вхолостую, шурша иглой по дорожке, и никто из нас не встал, чтобы её остановить.

РИСУНОК ЛЕА

Я проснулась и сразу поняла: Эрик уже уехал. Его сторона кровати была холодной, аккуратно заправленной, будто он и не ложился. Он всегда делал так — исчезал рано, почти незаметно, зная мою странную особенность: по утрам я не люблю, когда кто-то рядом дольше, чем нужно. Ночью — да. Утром — нет.

На кухне уже горел свет.

Лорен стояла у плиты, собранная и спокойная, в длинной рубашке. Кофе варился, наполняя дом густым, бодрящим запахом. Она резала фрукты, точно и экономно, как будто это тоже была одна из её профессиональных привычек — не тратить лишних движений.

— Он уехал, — сказала она, не оборачиваясь.

— Я знаю, — ответила я, подходя ближе и беря вторую чашку.

Мы работали молча, легко угадывая ритм друг друга. Я достала яйца, хлеб, сливочное масло. Она — сковороду, мёд, йогурт. В этом было что-то почти семейное, хотя мы никогда не называли нашу компашку этим словом вслух.

За окном утренний свет отдавал свежестью. Озеро ещё дышало прохладой, над водой стелился лёгкий туман. Суббота. День, в котором не было обязательств.

— Сегодня без дел, — сказала Лорен, наконец взглянув на меня. — День-тюлень?

Я кивнула.

— Согласна бездельничать.

— Именно.

Как будто в ответ на это слово сверху раздался звук шагов — сначала неуверенных, потом быстрее. Леа появилась в дверях кухни в пижаме, с растрёпанными волосами и сонными глазами.

— Доброе утро, — пробормотала она и тут же зевнула, не прикрывая рот.

— Доброе утро, принцесса, — сказала я.

— А где Эрик?

— Он уехал ловить рыбу для других принцесс, — усмехнулась Лорен.

Леа приняла объяснение без вопросов, забралась на высокий стул и стала болтать ногами, наблюдая за нами с тем вниманием, с каким дети следят за чем-то важным и вкусным.

Кухня снова наполнилась звуками: шипение масла, тихая музыка из колонки, стук ножа о доску. Было просто, хорошо и без напряжения.

После завтрака дом медленно разошёлся по своим дневным ролям.

Лорен надела лёгкую куртку, завязала волосы и помогла Леа обуться. Леа носилась по дому, собирая «самое важное» — палку, камешек странной формы и маленький бинокль, в который всё равно почти никогда не смотрела.

— Мы пойдём к озеру, — сказала Лорен уже у двери. — А потом в лес.

— И уток! — добавила Леа. — Мы будем считать уток.

— Считайте аккуратно, — улыбнулась я. — Не потеряйте ни одну.

Дверь закрылась. Остались тишина, свет и ощущение, что дом на мгновение выдохнул.

Я поднялась в мастерскую.

Это была моя комната — светлая, с большими окнами, пахнувшая холстами, краской и старым деревом. Здесь время всегда текло иначе. Я поставила чистый холст на мольберт, не задумываясь, что именно собираюсь рисовать. Я просто знала — мне нужно рисовать.

Кисть легла в руку сама.

Я не выбирала сюжет. Не искала форму. Цвета появились раньше мысли. Тёплые, глубокие, живые. Первым возникло движение — и только потом линия. Я работала быстро, не останавливаясь, будто тело помнило что-то, чего разуму знать не полагалось. Когда я наконец остановилась, прошло гораздо больше времени, чем мне казалось. Я смотрела на картину и не сразу поняла, что именно вижу. На холсте была я. Не буквально, но безошибочно. Женская фигура в танце. Тело изогнуто, словно подчиняется музыке, которую невозможно услышать. Волосы разлетаются, платье будто соткано из света и тени. В этом танце не было кокетства, только движение и свобода.

Я не помнила, как рисовала это. Ни первого, ни последнего мазка.

Картина жила. Я почувствовала это — воздух в мастерской стал плотнее, теплее. Линии на холсте едва заметно дрогнули, словно фигура на секунду продолжила движение, прежде чем снова застыть. Я отступила на шаг, ощущая лёгкое головокружение. В груди — странную пустоту, будто часть меня осталась там, по ту сторону холста.

— Почему танец?.. — прошептала я.

Ответа не было.

Снаружи донёсся далёкий смех Леа, плеск воды, шорох листвы. Мир жил своей жизнью. А я стояла перед картиной и вдруг ясно поняла: я рисую то, что уже происходит...

Я не видела этого своими глазами — и всё же знала каждое движение, каждый звук, будто была там.

Лорен шла вдоль берега, босиком, неся кеды в руке. Песок был ещё прохладным после ночи, вода — гладкой, с редкой рябью. Леа бежала впереди, перепрыгивая с камня на камень, считая уток вслух, с той серьёзностью, с какой дети берутся за по-настоящему важные дела.

— Одна... две... нет, подожди, эта тоже считается?

— Считается всё, что крикает, — ответила Лорен, улыбаясь.

Леа остановилась у самой кромки воды, присела на корточки и начала водить пальцем по влажному песку. Сначала — просто линии. Круг. Потом ещё один. Лорен не обратила внимания сразу — эта девочка всегда что-то рисует. Это было естественно. Безопасно.

Но потом что-то изменилось.

Леа перестала считать уток. Вдруг она резко замолчала. Лорен почувствовала это мгновенно и обернулась.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.